

которое заключалось в констатации неразрешимости этой проблемы. Поэтому XIV век в значительной мере является веком критики — критики теологией философии или некоторых своих собственных ключевых положений и авторитетов. В этом смысле Дуне Скот — поистине первый философ, в трудах которого проявился дух XIV столетия, и этот дух предопределил распад самого возглавляемого им направления. Несомненно, у мощных систем,

выработанных св. Фомой и Дунсом Скотом, останутся сторонники и в XIV веке, и в последующие века; есть они и сегодня. Но если прежде всего мы будем рассматривать то новое, что несет с собою каждая эпоха, то мы должны обратить свое внимание не на комментаторов и защитников св. Фомы и Дунса Скота. Характерный признак XIV века — разочарование в трудах, предпринятых в XIII веке, или, скорее, в использовании философии для доказательства того, насколько правы были недоверчивые теологи, которые начиная с XIII века опровергали невозможность обосновать догматику средствами философии. Лучше декларировать веру как таковую, нежели основывать ее на псевдодоказательствах. Безжалостная критика Скота Оккамом типична для этой ситуации. Скот, который уже строго ограничил компетенцию философии, все еще питал к ней большое доверие как к вспомогательному средству теологического синтеза. Если успехи его философии были невелики, успехи теологии оказались весьма значительны. Оставляя как наследство свое учение о Бесконечном Сущем, источнике истины как блага и свободной причине всего, Скот предложил своим последователям глубоко систематизированное знание, интегрированное в веру. Это как раз то, что оказалось в опасности, едва родившись. С одной стороны, действительно Оккам ограничивает область философского доказательства еще строже, чем это делал Дуне Скот, и самими понятиями, которые он сформировал о Боге и о познании, подчеркивает уже провозглашенное разделение философии и теологии; с другой стороны, растет число латинских аверроистов вопреки всем осуждениям, которым подверглось это учение, и их прозрачные намеки почти что не оставляют сомнений в их глубинном неверии. Наконец, есть мыслители — такие, как Таулер и Сузо*, — которые отказывались дожидаться всеобщего согласия относительно единого синтеза разума и веры, обращаясь к единственно мистическому созерцанию, чтобы восстановить единство, более не

Глава IX Философия в XIV веке

484

обеспечиваемое диалектикой. В этот самый момент происходят принципиально важные события, которые не должны ускользнуть от внимания историка философии: дают о себе знать первые открытия современной науки, и они уже находят отклик в тех самых кругах, где совершалось разделение разума и веры. Как в такой момент не увидеть, что эволюция средневековой философии будет продолжаться под воздействием теологии? Если в философской критике XIV века есть что-нибудь плодотворное, то не станем забывать, что ее вели теологи и прежде всего в интересах теологии. Аверроисты, которых отрыв разума от веры удерживал в рамках греческой концепции мира, не опасались никаких нападений теологии, но именно поэтому они так и не смогли выйти из этого мировоззрения.

Философ, которому было дано оказать решающее влияние на развитие средневековой мысли на его заключительном этапе, родился за несколько лет до 1300 г. в Окка-ме, в английском графстве Серрей. Он принадлежал к Францисканскому ордену, в 1312—1318 гг. учился в Оксфордском университете*, затем с 1318 по 1320 г. комментировал «Сентенции». Вызванный в Авиньон, чтобы дать ответ на обвинения папской курии в ереси, он на протяжении четырех лет подвергался допросам, что завершилось осуждением